

СНОВА В МОСКВЕ

Мы всегда рады побывать у вас в редакции,— говорит Чарльз П. Сноу, приехавший к нам со своей супругой Памелой Джонсон уже во второй раз и готовый, как всегда, к долгой обстоятельной беседе.— Ведь со страниц журнала я впервые обратился к русскому читателю.

Первое — заочное — знакомство состоялось еще в 1957 году, когда Чарльз Сноу предложил редакции свою статью об английской литературе и журнал опубликовал ее. С тех пор прошло шесть лет. За это время советский читатель узнал Чарльза Сноу и Памелу Джонсон как видных писателей — на русский язык переведены романы Ч. П. Сноу «Дело», «Пора надежд» и роман П. Джонсон «Кристина», — познакомился с ними как с критиками и публицистами, которых волнуют самые разные вопросы литературной, научной, общественной жизни, и, наконец, увидел их воочию на экране телевизора. За эти годы английские писатели также узнали много нового о Советской России, и таким же широким, как круг их интересов, стал круг их дружеских связей. Современная русская проза и литературоведческие исследования классического прошлого, развитие науки в Советском Союзе и дискуссия о «физиках и лириках» в «Комсомольской правде» — все их интересует; Чарльз Сноу и Памела Джонсон ищут контактов с писателями и с критиками, с учеными-физиками и со студентами.

О своих творческих планах гости говорят скупко, Чарльз Сноу завершает работу над романом «Коридоры власти», герои которого — ученые и политические деятели, а главная проблема — ответственность перед людьми. — «но ведь вскоре вы сами сможете судить о книге». В скором времени должно выйти в свет также новое издание его курса лекций о соотношении гуманитарных и точных наук в современном мире, а также статья, где важным моментом исследования являются социальные взгляды Достоевского.

— Как критика, меня всегда привлекал Марсель Пруст,— говорит Памела Джонсон.— Издательство одного из американских университетов публикует сборник моих эссе о нем. Сейчас я задумала книгу о влиянии Бальзака на Пруста.

Чарльз П. Сноу

Разносторонней становится беседа в стенах нашей редакции, однако, при всем разнообразии тем, у беседы есть свой невидимый стержень — проблема современного романа, ставшая едва ли не самой острой в литературных спорах наших дней.

Еще при первой встрече два года назад Чарльз Сноу и Памела Джонсон рассказывали нам о той борьбе, которую они ведут «за то, что вы назвали бы направлением критического реализма в английской литературе». «Мы стараемся найти и поддержать в нашей литературе именно те явления, которые, исходя из этих критериев, считаем наиболее ценными».

— Мы ведем борьбу против того, что вы называете формализмом,— говорила тогда Памела Джонсон.— В английском искусстве и литературе к концу первой мировой войны была опасность ухода в бесплодное эстетство. В это время в Англии большое влияние на умы оказывало творчество таких писателей, как Вирджиния Вулф, Джеймс Джойс, Дороти Ричардсон. В их творчестве был момент экспериментирования в поисках новых форм. Что касается техники письма, то они внесли в нее свой вклад, за который писатели нашего направления им благодарны: Вулф научила нас лучше видеть, Джойс — лучше слышать. Мы признаем это и не хотим выплескивать из ванны ребенка вместе с водой. Но некоторые писатели, объявившие себя их последователями, уже ничем, кроме формы, не интересовались. Большая часть их книг напоминала прекрасную фигуру без головы. Между тем стиль произведения рождается из его содержания, а не наоборот.

«Роман либо является реалистическим,

Памела Джонсон

либо ничего не стоит» — этот афоризм Чарльза Сноу можно было бы поставить эпиграфом ко всему его художественному и критическому творчеству.

— Наши взгляды будут, очевидно, отличаться от взглядов тех английских писателей, которые присутствовали на симпозиуме в Ленинграде, — говорит Чарльз Сноу. — То течение в литературе, которое принято называть критическим реализмом, и по сегодняшней день — главное в английском романе. Конечно, существуют другие течения, которые нам лично не нравятся, хотя среди представителей этих течений есть талантливые люди и пишут они талантливые книги. Из писателей того направления, которое мы называем «символическим романом», самый талантливый — Уильям Голдинг.

Но, по мысли наших гостей, «символический роман» никогда не имел глубоких корней в Англии в отличие, например, от Франции; в Англии сильны классические традиции, и вряд ли символический роман получит здесь широкое развитие — «англичане для этого слишком трезвые и практичные люди». Французским «новым романом» интересуется лишь небольшая группа интеллигенции: «Мы шутим по этому поводу, говоря, что у нас есть книги, которые никто не читает, но о которых много пишут».

Чарльз Сноу и Памела Джонсон рассказывают о тех молодых писателях, кто, по их мнению, продолжает сейчас реалистическую традицию; они тепло говорят о хорошо известных нашему читателю романистах Алане Силлитой и Джоне Брейне, драматургах Арнольде Уэскере и Шейле Делани, поэте Филиппе Ларкине, советуют глубже заинтересоваться творчеством Геды Чарльз.

— А кого из английских писателей можно было бы назвать властителем дум английской молодежи? — спрашиваем мы.

— Я считаю, что в Англии сейчас нет такого писателя. У нас бывает так, что вдруг какой-нибудь писатель становится очень модным, скажем на полгода, а потом его почти совсем забывают, а в моду входит кто-нибудь другой. И в этом непостоянстве литературной моды есть и своя положительная сторона: сейчас, когда так остро идет борьба за умы людей, лучше не иметь одного властителя дум, который мог бы повести молодежь и по ложному пути.

Речь заходит о книге Оруэлла «1984 год», утопическом романе, в злоеде искаженном виде представляющем социалистическое общество, — оказывает ли эта книга влияние на читателя сегодняшней Англии, есть ли у Оруэлла последователи?

— Хотя подобных книг в Англии, похожему, больше не появлялось, до сих пор многие писатели, в том числе и некоторые молодые, считают этот роман чуть ли не верхом политической мудрости. В моем курсе лекций «Две культуры», статьи сказать, есть небольшое примечание, где я писал, что Оруэлл хочет лишить человечество будущего.

Небольшое примечание это, вспоминает Сноу, вызвало возмущение многих литераторов, тех, кто иронически называет Сноу «советским реалистом»; писателю вменяется в вину не только отказ от «всяческих экспериментов в области формы», но и многолетняя борьба публициста и ученого против пессимизма, настроений безысходности.

«По образованию ученый, по призванию писатель», как сказал сам Сноу, он уже около сорока лет разрабатывает проблему, которую он называет «пропасть между двумя культурами» (первую публичную лекцию об угрожающем разрыве между гуманитарной интеллигенцией и учеными — представителями точных наук Сноу прочел в Кембригском университете в 1925 году). «Те, кто не понимает проблем науки, похожи на глухих — им недоступна музыка, — писал Сноу в 1956 году. — Ученые знают, что условия существования личности трагичны, несмотря на все победы и радости, что основа ее бытия — одиночество и в конце концов смерть. Но они не хотят делать из этого вывод, что и социальные условия тоже должны быть трагичными. То, что человек в конце концов умирает, не должно служить оправданием преждевременной смерти и рабской жизни».

— Как я говорил уже не раз, на мой взгляд, основы современной науки должны быть освоены писателями как материал для их произведений, как часть нашего умственного опыта. Без этого невозможно правильное отражение действительности XX века. Но в нашей стране образование настолько узко специализировано, что трудно представить себе, как это может произойти. Большинство наших писателей ничего не понимает в науке, и это не может не сказываться на интеллектуальном климате и в

свою очередь способствует тому, что многие из них пытаются к примитивизму, уходят в модернизм. Некоторые из наших писателей — если взять, скажем, два последних поколений — даже активно противостоят науке. Под пером Д. Лоуренса, например, наука приобретает облик некой черной магии. Молодые писатели, к сожалению, пожалуй, еще меньше интересуются научным прогрессом, чем многие писатели нашего поколения. Один из талантливых молодых критиков, Дж. Гросс, организовал как-то по телевидению выступление четырех известных ученых-физиков, которое заключил таким обращением к публике: «Когда вы слушаете этих людей, не чувствуете ли вы себя деревенскими увальнями, попавшими на званый обед?» Я слышал, что и у вас были свои дискуссии о «физиках и лириках», но, на мой взгляд, разрыв этот в Советском Союзе намного меньше, чем у нас.

Традиции английского классического романа близки, по-моему, русским традициям, это многое объясняет и в развитии наших современных литератур, — говорит Сноу о другом предмете своих исследований, об увлечении, которое также прошло через всю его жизнь, — о русской литературе. Когда, впервые приехав в Советский Союз, Чарльз Сноу и Памела Джонсон вошли в здание Союза писателей — описанное в «Войне и мире» как дом Ростовых, — то вспоминали о том, как готовилась Наташа к своему первому балу; а из Москвы в Ленинград супруги решили ехать поездом — доробой Анны Карениной.

— Стоит вспомнить о том, что наш великий романист Диккенс, человек неумных страстей, имел несомненное влияние на Достоевского, — вступает в разговор Памела Джонсон, — и мне кажется, что творческий темперамент Достоевского и Диккенса во многом сходны.

По вашему, Диккенс более гармоничен, более трезв? — продолжает Сноу. — Вам это, может быть, покажется странным, но в Англии его читают несколько иначе, чем у вас, и некоторые его произведения, на мой взгляд, не отличаются такой здоровой трезвостью, как вам кажется. По-моему, величайший из романистов на земле — это Лев Толстой. Он смотрел на мир глазами нормального человека, но в десять раз интенсивнее видел и чувствовал. Видение Толстого никогда не было искаженным, смещенным, в то время как видение Диккенса, также обладавшего сильным и глубоким зрением, было смещенным и поэтому в какой-то мере искаженным. Конечно, и ваших русских классиков у нас в Англии читают иначе, чем у вас; очень немногие англичане знакомы с социальным анализом творчества писателя. Я недавно написал статью, где говорю, что социальные взгляды Достоевского достойны презрения, но история, простит ему это, он останется в веках, как великий писатель. Согласны ли вы со мной?

Тема эта, несмотря на ее видимую академичность, у всех вызывает интерес; социальные взгляды Достоевского, как говорят участники беседы, заслуживают не презрения, но прежде всего исторического подхода, и если именно так подходить к его воззрениям, то нельзя не увидеть в них и справедливое, человеческое, а главное, убеждаешь в том, насколько трагичны были искания писателя, насколько мучительны противоречия. У нас сейчас о Достоевском много пишут, в скором времени должна выйти в свет книга воспоминаний о Достоевском.

— Я почти уверен, — говорит Сноу, — что нам захочется издать эти воспоминания в Англии.

О современной русской литературе Чарльз Сноу и Памела Джонсон также говорят со знанием дела, какое не часто встретишь у иностранных писателей.

— Мы — стреляные воробьи, — отрекомендовался Сноу при первой встрече, — и любим узнавать разные точки зрения. Ведь это уже стало у вас традицией: как еще в старой России, так и сейчас русские люди относятся к чтению книг более серьезно, более драматически, если можно так сказать, чем в любой другой стране на Западе. Поэтому у вас бывает больше столкновений мнений, чем где бы то ни было.

А в 1961 году в Англии вышел составленный ими однотомник, включивший шесть рассказов советских писателей: «Судьба человека» М. Шолохова, «Печники» А. Твардовского, «Телеграмма» К. Паустовского, «Боб» С. Залыгина, «Свет из чужих окон» Я. Евдокимова, «Ухабы» В. Тендрякова. Во вступительной статье Чарльз Сноу писал: «Очень важно, чтобы английский читатель понял и художественный метод и ту интуицию художника, что лежат в основе русской беллетристики, начиная с творчества Гоголя и до произведений молодых писателей».

— На этот сборник было много рецензий, — рассказывают Ч. Сноу и П. Джонсон. — Поборники «холодной войны» пытались использовать и эту книгу в своих целях. Зато совершенно другим было мнение широких кругов литераторов и читателей, к тому же некоторые из авторов, напечатанных в сборнике, были до тех пор в Англии почти неизвестны, а после выхода этой книги ими стали интересоваться. За последнее время у нас стало больше переводиться советских произведений. С успехом прошел роман К. Симонова «Живые и мертвые», хорошо была принята книга Г. Бакланова «Пядь земли». Творчество А. Солженицына вызвало широкий отклик. В общем, интерес к советской литературе в Англии растет.

— Ну а мы, — прощаясь, обещают нам наши гости, — мы постараемся по мере сил, чтобы английский читатель еще лучше узнал вашу литературу.

Л. Т.